

Команда

"Вьюга" в гонке

на

«Урсе»

12+

МОСКВА

Виктор Колесников

Виктор Владимирович Колесников

Команда «Вьюга»

в гонке на «Урсе»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67739739

SelfPub; 2022

Аннотация

Этот небольшой рассказ был написан для конкурса от ЛИТРЕС «Космическая Олимпиада» и повествует о семейной команде, членам которой пришлось столкнуться со смертельной опасностью на планете-леднике в гонках на ездовых существах.

Виктор Колесников

Команда «Вьюга»

в гонке на «Урсе»

Вот мы и дождались окончания этого, поистине сложно-го, пути. Из Луганска на своей машине мы с папой добрались до космопорта в Ростове-на-Дону. Сказать честно, уже тогда поездка с нашими псами мне показалась чертовски тяжелой. Тейя и Герда вечно скулили и норовили выпрыгнуть на скорости в два маха из новенького отцовского фургона, купленного им специально для перевозки нашей команды по всей Российской Империи. Грузовой отсек машины был оснащен клетками для собак ездовых пород межгалактического уровня, выполненными на заказ известной в кругах гонщиков компанией «Стая Чебуркова», специализирующейся на изготовлении снаряжения для ездового спорта. Несмотря на то, что боксы для перевозки были сделаны из титана, их крепления не устояли перед натиском Герды, которая освободила и свою напарницу по упряжке – Тейю. После этого в отсеке начался хаос, и остальные – Гром, Буран и Метель – тоже выбрались из боксов. Завязалась драка из-за дележа, как мне показалось, территории грузового отсека. По приезду в Ростов наш фургон был помят изнутри и походил на вздутую консервную банку, нежели на новый грави-

мобиль. На площадке космопорта тоже были проблемы и с погрузкой наших хасок, и с транспортировкой в систему Полярной звезды «Альфа», расположенной в созвездии Малой Медведицы. Альфа – сверхгигант – озаряла мощным светом и согревала территорию своей системы, но одна крошечная планета – «Урса» – всегда находилась в тени ближайших к звезде небесных тел. Ее поверхность никогда не испытывала обжигающих прикосновений звезды. «От того и нрав такой скверный у «Урсы», как у дитя, лишённого материнского тепла», – так говорил мой папа пару раз, когда заходил разговор о предстоящей гонке. Меня он взял в столь опасное приключение, следуя имперским обычаям и традициям, ведь в мои юные годы я должен был столкнуться лицом к лицу со смертельной опасностью и выжить. Естественно, отец был рядом всегда, так что я оставался спокоен. В то время, когда папа подготавливал снаряжение и наших четвероногих друзей к высадке на покрытой ледяной коркой «Урсе», я рассматривал ее молочную кожу, испещренную каньонами и торосами такой величины, что их можно было рассмотреть с орбиты этого безжалостного и смертоносного мира. Дорога до «Снежной королевы» (так неофициально называли «Урсу» – мир льда и шквального ветра) окончательно вытрясла из отца боевой настрой и, что важно, все деньги. Гравимобиль был изуродован, надежность снаряжения от «Стаи Чебуркова» вызывала сомнения, и перевозка нашей команды, что являлось последней каплей, вылилась в сумму, равную

половине всего нашего бюджета. Герда больше месяца царапала и рвала когтями обшивку грузового судна. Новую территорию – грузовой отсек корабля – животные начали метить, чтобы захватить себе как можно больше места. Да и без их испражнений особый запах сибирских хаски был ощутим даже на капитанском мостике, а Герда и вовсе воняла псиной. Хаски не умели лаять, и при покупке первой нашей гончей это являлось несомненным плюсом, но после того, как наша семья познакомилась с Тейей лучше, мы узнали, что такое волчий, непрекращающийся вой. Капитан корабля «Пеликан» и его экипаж весь путь мучились от неутихающего скрежета и волчьего воя могучих животных. А наша Герда, кроме прочего, умела еще громко и назойливо лаять. Слава Богу, думал я, что наш путь не припал на сезонную линьку этих благородных и красивых животных. Если бы у капитана корабля не было возможности реализовать собачью шерсть на одну из фабрик по производству нити, несколько кубических метров подшерстка забили и уничтожили бы фильтрационную систему «Пеликана», не успев мы добраться до системы звезды «Альфа».

Естественно, испорченное настроение отца мне тоже аукнулось. Я хотел помочь с санями да шлейками, но он отогнал меня. Его гневу не было предела. «Такой же злой, как Гром, защищавший свою порцию свежего мяса от остальных», – думал я, глядя на раздраженного, резкого и ворчливого капитана команды «Вьюга». Папа стоял под испугавшейся его

Гердой. Да, с хаски совладать было непросто, особенно, когда они почуяли азарт предстоящей гонки, в которой дикие души рода ездовых собак сливались в единое целое с духом ветра «Урсы». В эти моменты, когда отец надевал шлейки, я всегда боялся, что трехсоткилограммовое животное, крутившееся вокруг моего папы, раздавит его. И если на Земле папе в снаряжении упряжки, да и в управлении санями, помогала мама, то здесь, в космическом мраке, он был один на один с древним родом ездовых собак. «Не женское дело – гонки в упряжке! Дома сиди и молись, чтобы мы вернулись с победой!», – безапелляционно заявлял он, сидя на диване в гостиной нашего дома. Мне кажется, что в эти минуты, маневрируя между ног могучих псов с запутанными ремнями и стропами шлейки, он не раз жалел о том, что его верная опора и помощник по его же собственному приказу осталась дома.

– Сань, подойди. Помощь нужна, – окрикнул он меня и я торопливо проследовал к практически снаряженной упряжке. Когда я подходил к отцу, Гром, увидев меня, завилял хвостом и, игнорируя оклики папы, потянул упряжку в мою сторону. Хаски в быту – неуправляемы, но стоило им стать на заснеженную ледяную трассу – их поведение менялось. Нет, не то что бы животные становились спокойные, напротив, их состояние доходило до апогея безумия. Собаки вскипали от возбуждения. Они рвались вперед и не могли стоять на старте в ожидании состязания, но все они пребывали в ожидании

одного действия – бега. Мне кажется, что смысл их жизни заключался в движении вперед. Цель – мчать в никуда. Да, это у них хорошо получается. Это то, ради чего их вывели, и эти, наши хаски, специально дорабатывались для гонок в жестких условиях «Урсы».

– Держи вожжи, а я сейчас расправлю попоны и перестегну ошейник Герды, а то мне кажется – ей уже тяжело дышать.

– Может вообще снять его? Куда она денется?

– Ага, ну уж нет. Была бы моя воля – я бы эту «чуму» оставил дома, чтобы наша мама не скучала, но эту бестию заменить некем. Так что с ошейником надежнее. – Папа принялся возиться с экипировкой. Так он провозился почти до старта, что-то бубня себе под нос или напевая мелодию. Собаки, с которыми он закончил подготовку, утомленные распластались по стальному полу.

– Время прибытия – девятнадцать тридцать. Остался час, а нам в этом секторе находиться вообще-то нельзя. Успеете к тому времени собраться? – спросил один из экипажа и папа ответил утвердительным кивком.

Знакомство с «Урсой» запомнилось мне на всю оставшуюся жизнь. Даже в экипировке я ощущал проникающий через многочисленные слои утеплителя уничтожающий все живое мистический холод. В специальные костюмы-ска-

фандры был встроен нагревательный контур, система вентиляции с перепускным клапаном и химическим источником синтеза кислорода, основанном на пероксиде водорода и оксиде марганца в качестве катализатора. В первые минуты я боялся, что погода «Снежной королевы» убьет нас с папой или наших собак. Но в отличие от меня, папа не казался напуганным, конечно, я не мог видеть страх в его глазах, ведь лицо скрывала маска. На удивление хаски пребывали в превосходном настроении. Они сопротивлялись мощным порывам ветра, которые я ощущал как сильнейшие удары в торс. От вздымаемых шквалом мириад ледяных кристалликов, с силой ударяемых о скафандр, создавался звуковой фон. Собаки же только щурили источающие голубое пламя глаза. Гонка вот-вот должна была начаться и наша упряжка заняла место на стартовой линии. Шерсть хаски поднимал ледяной ветер, а снег от тепла их тел таял и покрывал ее острыми как шипы ледышками. Из пасти и над спиной поднимался густой пар от разгоряченных, изнемогающих от предвкушения бега животных. «Главное в гонках на ездовых собаках, сынок, отнюдь не сани или упряжь. Не так важен и погонщик, как сами гоночные собаки. Запомни это», – говорил он мне, возвращаясь с едва поместившимся щенком хаски на заднем сидении нашей старой доброй «Победы». Тейе тогда не было и месяца. Помню немалую сумму отдал отец, чтобы стать владельцем породистой ездовой собаки – питомицы рода чемпионов межгалактических гонок в упряж-

ке. До старта оставалось совсем немного времени, когда во мгле, среди серых, снежных барханов показались остальные упряжки. На «Урсе» собрались команды со всех уголков разведанного космоса. Одной из команд оказалась знаменитая «Виктори» – чемпионы прошлого заезда, состоявшегося десять лет назад. Родом их гонщик был из Федеративной Республики Южной Америки. Их упряжка появилась из темноты стремительно. Сначала показались красные точки – глаза созданий, используемых в качестве ездовых животных. Эти несчастные, запряженные в шлейки, ходили на двух ногах, как люди. Издалека в них можно было рассмотреть черты, принадлежащие человеку, но когда упряжка поравнялась с нашей, я увидел, что от людей у этих существ осталась только способность двигаться на двух ногах. Глядя на их развитые передние конечности, пальцы которых заканчивались длинными, закрученными когтями, я понял, что бежать эти твари будут на четырех лапах. В отличие от остальных упряжек – у этих мутантов не было шерсти или хотя бы перьев. Их мощную мускулатуру покрывала бледная человеческая кожа, а эпителий обтягивала, походившая на рыболовную, сетка из металла. Скорее всего, думал я, эта деталь гардероба служит неким обогревающим устройством путем подачи тока. В Федеративной Республике Южная Америка последние несколько веков рабство было легализовано, как и опыты над людьми. Видимо, хозяину команды «Виктори» было дешевле создать команду из генно-модифицированных

рабов, улучшив их путем фармакологических препаратов на базе синтетического тестостерона с замененной карбонильной группой.

– Вот теперь и посмотрим, что главное в гонках – чемпионская кровь, текущая в жилах, или технологический прогресс, ворвавшийся в этот некогда благородный древний спорт, распахнув дверь ногой, – произнес я вслух, но папа меня не услышал. Теперь, когда секундомер отсчитывал последние минуты до старта, он внимательно слушал организатора соревнований, объяснявшего правила гонки.

Гонки на ездовых животных в Солнечной системе были отчасти безобидным увлечением, но вот гонки межгалактического уровня на «Урсе» – представляли по-настоящему смертельный заезд. Согласно своду правил Галактической Ассоциации Ездового Спорта – все пересекшие линию старта могли использовать различное физическое воздействие на упряжку и животных. Атаковать наездников или использовать предметы для атаки зверей или упряжки запрещалось. Вот только мне всегда было интересно – как посреди снежной пустоши наши соперники будут усмирять разъяренных мутантов, обладающих неистовой злостью и непостижимой силой, если они, вдруг, захотят расправиться не только с нашими собаками, но и с нами? На этот вопрос я не успел поразмышлять, потому что был дан старт. Прозвучал выстрел из сигнального пистолета, и окрестности осветила яркая зеленая вспышка уходящей в свинцовый небосвод ракеты.

– Пошел, Гром! Пошел! – завопил отец и упряжка, дернувшись с неистовой силой, устремилась вдаль. Мне едва хватало сил держаться, чтобы не слететь с саней. Даже не представляю, как больно бы я ударился, свалившись на многовековой лед, твердый как скальная порода. Но больше всего я боялся угодить под мощные лапы безжалостных, ослепленных азартом гонки существ, которые раздавили бы меня. От подобных мыслей я обхватил поручень руками и прильнул к нему грудью, зажмурился и уже хотел оказаться на финише, даже заняв последнее место, лишь бы добраться живым и невредимым. Но гонка только началась. Позади нас нагоняли три упряжки, которые терялись во мгле, царствовавшей на «Урсе». Справа неслись мутированные уроды «Виктори» и уже недобро поглядывали на хаски, а впереди зависла стена из ледяного шторма, о котором все говорили, но пока что никто его не видел. Белая плотная пелена – снежный поток, движимый ураганным ветром, сметавший все на своем пути, ждал нас у подножья скал из льда и камня. Первый этап гонки проходил по снежной целине. Этот путь только из космоса выглядел зеркально ровным, на самом же деле – путь преграждали торосы, походившие на шипы древних доисторических ящеров исполинского размера, и трещины, шириной в несколько метров, в черных недрах которых я не мог увидеть дна. Дальше нас ждали скалы, где вместо ледовых трещин встречались бергшруды и сход лавин. Финишной прямой было замерзшее озеро. Обычно его

воды промерзали на сотни метров и организаторы соревнований заверяли, что уйти под лед невозможно, но мне, двенадцатилетнему подростку, были безразличны их гарантии, ведь страх неизвестного поработил меня еще на Земле перед стартом челнока.

Половина пути по снежной глади прошла спокойно. Хаски рвались вперед, пробивая телами глубокий снег, сани то взмывали вверх, то ныряли в сугроб. Мне было тяжело наблюдать за обстановкой, следить за трассой и уж тем более заметить нападение чудовищ команды «Виктори». В один момент они отстали от нас и растворились в пурге. Если бы я нашел в себе силы открыть глаза и оглянуться, возможно, я бы увидел красные глаза мутантов, преследующих нас, но решил не оборачиваться и считать их аутсайдерами. «Папа был прав! В гонке главное – кровь чемпионов», – подумал тогда я и даже немного расслабился, как вдруг слева от упряжки внезапно появились сгорбленные силуэты. Мутанты издавали грубый отрывистый рев. Он напоминал рык некогда жившего на Земле тигра, но в звуках, исходивших из пастей чудовищ, я слышал электронные нотки. В следующий миг я глянул на погонщика. В отличие от нашей упряжки, в команде «Виктори» был только один человек. Он, облаченный в черный скафандр, пристально смотрел на нас с папой. Погонщик в скрываемом истинный облик костюме, в компании рабов, рукотворно переделанных против их воли в бездушных животных, пугал меня до смерти. Сани упряжки

соперников поравнялись и мутанты резко пошли на сближение. Было ясно, что целью этого маневра был таран нашей своры. Отец видел это и отреагировал. По команде Гром резко отвернул в сторону, уйдя от удара, но отстав на половину длины упряжи. Я очень хотел, чтобы «Виктори» отвязались от нас и следовали своим путем в бескрайней белой пустоши, но видимо целью погонщика было уничтожить нас физически. Покалечить, возможно, убить, сделать так, чтобы наша команда вообще не добралась до финиша. Мне было страшно, ведь я понимал, если герметичность скафандра будет нарушена – нам не прожить и нескольких минут. Холод «Урсы» «прожжет» тело насквозь. Превратит человеческие внутренности в свежемороженный ливер. Я представил, как сердце замерзает, покрываясь инеем, и останавливается. Я осекся. В ужасе от мыслей я повернулся к сопернику, чтобы не пропустить стремительную атаку. Всмотриваясь в поток белых хлопьев, не видя там мутантов, у меня появилась надежда, что все-таки чудовища оставили нас в покое. Внимание привлекла Тейя. Она начала скалиться, оголяя длинные кинжалоподобные клыки. «Что-то не так!» – подумал я, бросая взгляд в сторону. Из метели снова возникли силуэты и красные глаза. Мутанты пошли на таран.

– Сашка! Держись! – крикнул отец, и едва я успел вцепиться в поручни – сани резко изменили траекторию движения. В поле зрения появилось грязно-белое пятно. Это был серак, едва различимый в царстве белого цвета, да еще и на

скорости. Серак торчал в бок и напоминал пику, выставленную перед собой на врага. Наш вожак стаи – Гром – отреагировал мгновенно и рывком поменял положение, отскочив в сторону на несколько метров. Я посмотрел назад и увидел, как упряжка «Виктори» на всех парах влетела в ледяной шип.

– Да! – ликовал я.

– Жаль, мама не видит! – сказал отец и мы, скрывая неопишуемый восторг, продолжили путь. Наши сани постепенно исчезали в лавиноподобной пелене ледяного, всепоглощающего шторма, и я испытывал радость и умиротворение от того, что мама сейчас в безопасности. И тогда я понял, почему папа так рьяно противился ее участию в гонках.

Дальнейший путь пролегал через горы, на подступах к которым нас ждал заснеженный и довольно крутой подъем. Хаски зарывались в глубокий снег и продвижение практически остановилось. Нам пришлось встать с саней и помочь им толкать, хотя мы оба прекрасно понимали, что это больше вымотает нас, нежели поможет делу. Мы решили, что так будет лучше, чем просто сидеть, сложа руки. Вскоре папа посадил меня в сани и дал навигатор, чтобы я указывал верное направление, пока он шел впереди упряжки, выбирая путь с минимальной глубиной снега. Наши хаски устали. Гром выдохся. Былого рвения и азарта у него не осталось. Он уже прыгал не так высоко, преодолевая сугробы. Язык вывалился из широко раскрытой пасти. Кислорода не хватало. Он

глотал воздух ртом, но все равно задыхался. Атмосфера на «Снежной королеве» была разряжена и количество кислорода даже в низинах составляло чуть больше того объема, который был на вершине Эвереста. Для хаски, выведенных путем генетических улучшений и селекции, условия «Урсы» были вполне пригодными для существования, чего нельзя сказать о людях. Буран и Метель тоже выглядели уставшими. Эти молодые хаски отказывались бежать после того, как пруть вожака стаи поубавилась. Тейя и Герда держались еще нормально, так как наши старушки замыкали упряжку. Папа решил поменять собак местами, и пока бы мы перестегивали пары – Гром смог бы восстановить силы, что было очень важно для предстоящего продвижения в скалах. Поменять собак было правильным решением, только вот я опасался внезапного появления красноглазых уродов и, чтобы они не застигли врасплох, то и дело озирался по сторонам, что очень не нравилось отцу. Когда Гром, пристегнутый к саням, улегся в подготовленное для отдыха место, а папа вел Бурана и Метель к санным поручням, чтобы привязать, в наш отряд на огромной скорости врезались мутанты команды «Виктори». Собаки не почуяли их. Чудовища вышли на нас с подветренной стороны и первым делом впечатали Грома в борт саней. Он взвыл. От удара сани перевернуло, едва не придавив меня. Шлейки и тросы управления перекрутились от рвущихся в сторону Тейи и Герды. Буран и Метель отреагировали мгновенно. Защищая стаю, они бросились на соткан-

ных из тупой злобы чудовищ, но монстры были куда сильнее наших собак. Послышался хруст ломающихся костей, пронзающий мое сознание визг, полный боли. Когда я вспоминаю этот момент жизни, то каждый раз осознаю, что выжил тогда чудом. Команда «Виктори» промчала мимо меня, стоящего в каких-то жалких нескольких метрах от саней, не задев. Я боялся. Тело дрожало от страха, оттого, что стряслось с собаками, папой, а еще от неизвестности, нависавшей беспросветным мрачным пятном надо мной. Я замер, всматриваясь в ледяную кровь и душу картину. Сани лежали на боку. Рядом с ними металась в упряжке наши две «старушки». В сугробе, припорошенные снегом, лежали Буран и Метель. Где-то из-за саней доносился слабый стон Грома. Где был папа – я не знал. Возможно, его тело было раздавлено санями «Виктори» и погребено в снег, возможно, его убили мутанты, врезавшись на всех парах, а может быть – его отбросило на несколько метров в небольшой бергшруд. Не обращая внимания на лежащих без движения хаски, я бросился искать папу.

– Отец! – кричал я во все горло, но он не отвечал. Пока я был занят поисками, мимо промчались несколько упряжек. Краем глаза я заметил больших, покрытых шерстью пауков, тащивших на тонких длинных лапах сани с двумя погонщиками.

– Я здесь! – слышался папин голос. Когда я подбежал, то увидел его, лежавшего далеко от саней. Он стонал и не мог

встать. – Я не могу вдохнуть, – сказал он, но я отвлекся на одну из его ног с неестественно искривленной голенью. Отец даже не обратил внимания на перелом, находясь в шоковом состоянии. Сначала я достал аптечку из саней, ввел в систему фильтрации воздуха его костюма антишоковую смесь в виде порошка. Комплекс подействовал быстро. Папа с моей помощью подполз к саням и достал один из двух спасательных маячков, активировал устройство, и я потащил отца к разбросанным телам собак на пяточке вытоптанного снега. Тейя и Герда рвались к нему. Они тяговым движением поставили сани на полозья, подтянули их и обступили погибших членов своей стаи. Взволнованные собаки бродили, все сильнее запутывая стропы упряжи и вожжи.

– Что теперь? – спросил я. На удивление, голос был тверд и ни разу не дрогнул, несмотря на то, что наша стая была практически уничтожена, и погибло несколько моих по-настоящему преданных и верных друзей.

– Тебе не кажется, что такой мерзкий поступок, как этот, – отец показал на тела собак, – нельзя оставлять без ответа?

– А ты сможешь продолжить гонку с двумя нашими старушками?

– Я хочу, чтобы ты продолжил гонку без меня. – Эти слова свергли меня в шок, и я ужаснулся от одной мысли, что сам поведу собак и пройду такой, действительно опасный, путь, да и оставлю его посреди белого безмолвия на съедение ледяным троллям или еще кому-нибудь, кто мог бы существо-

вать в этом холодном безумии.

– Нет, я не готов. Нужно уметь признавать поражение.

– Я и признаю поражение, – сказал он, поглаживая черную гриву Грома, – но я не признаю твоего поражения и хочу, чтобы ты показал всем этим безжалостным мерзким тварям, возомнившим себя достойными победы, кто здесь чемпион. И скажу тебе, что из окружающих нас уродцев я вижу только одного человека, достойного победы в межгалактической гонке. – Он ткнул пальцем в меня.

– Тогда я поведу упряжку, а ты будешь лежать в санях и наблюдать за моей победой.

– Нет. Я не смогу преодолеть и ста метров пути. Спасатели обязательно меня заберут, а ты – не задерживайся здесь. Мчи вперед! Я буду ждать тебя на финише и лично встречу, как победителя. Или ты хочешь меня мучать всю дорогу?

– Нет. Конечно, ты прав, лучше доберись до финиша с комфортом, да и сани будут идти быстрее, если собаки потащат меня одного. – На мои слова он показал знак, подняв большой палец вверх и, наверное, улыбнулся, но я этого не видел. Еще какое-то время я торопливо распутывал стропы и тросы упряжки, и когда все было готово – подошел к папе, чтобы попрощаться, но он рыкнул на меня за то, что я долго вожусь со шлейкой на холоде. И да. Температура ощутимо снижалась. Теперь контур обогрева костюма работал на полную мощность, но все равно в скафандре было зябко.

Двигаться через горы, частично скрытые в облаках так,

что порой я не мог разглядеть землю с их вершин, было намного страшнее, чем я думал. В одном из многочисленных ущелий я заметил раскуроченную упряжку. Сани были искорежены, а рядом застыли, навечно крепко вмерзнув в снег, тела существ, тянувших упряжь. Погонщиков не было видно, но и так было ясно, что ледяная прорва стала могилой и для них тоже. Эта картина навела меня на мысли о команде «Виктори». Стиснув зубы, я дернул вожжи, и хаски продолжили взбираться, пусть и по пологой, но скользкой стене из камня и льда. Забравшись на верхушку очередной скалы, мы оказались на плато. Здесь безумствовал неутихающий ветер, дувший сплошным потоком, создавая страшный гул. На краю обрыва столпились бледнокожие мутанты. Они искали спуск с вершины и я, ведомый яростью, распаленный жаждой мести, решил помочь им спуститься со скалы.

– Вперед! – приказал я старушкам и хаски, будто хотели того же, что и я, яростно бросились вперед.

Мутанты заглядывали на дно пропасти. Часть из них, те, кто посмелее, пробовали спуститься по узкой, извилистой тропке, примыкающей тонкой линией к отвесной каменной стене. Другие же шли нехотя и опасно, притормаживая спуск. Жаль, что я не видел глаз погонщика упряжки, когда он, не ожидая атаки, повернулся в нашу сторону. Герда на огромной скорости влетела в мутантов, разбросав их, как кегли, а я, развернув сани, пустив их юзом, врезался в повозку соперника, и вся команда «Виктори» загремела в про-

пасть. Когда я аккуратно спустился с хаски со скалы, то увидел искореженные тела соперников. Оставшийся путь – замерзшее озеро – мы преодолели на последнем дыхании. На пути мне встретился погонщик на пауках. Один из пауков нырнул в полынью и, выбравшись из нее, остекленел. Второй паук угодил лапой в трещину и вмерз в озерную твердь навсегда. Погонщика я обнаружил замерзшим чуть дальше, по пути к финишу. Его скафандр был надорван. Снова и снова я встречал погибших участников соревнований, угодивших в разломы или погруженных в полынью. От вида финишных огней, показавшихся на горизонте, я разрыдался, и когда пересек финишную черту – боялся, что отец увидит мое красное, зареванное лицо, но до финиша кроме меня больше никто не добрался.